

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДАВНО НЕ ВИДЕЛИСЬ!

Экран и сцена - 1998 - апр. (№15) - с.16.

Лариса Лужина:

“Слишком затянулась моя актерская пауза”

— Лариса Анатольевна, какая крупная работа в кино была у вас последней по времени?

— У меня не было практически никаких картин за последние годы. Разве что небольшой эпизод в “Петербургских тайнах” да крохотные ролики в дипломных фильмах “Тихий ангел пролетел” и “Третий сын”. Студентам ведь платить нечем, потому никого они пригласить не могут в свои картины, как тут не согласиться. Говорить же о серьезной работе вряд ли можно. Да я даже вспоминать о ней не хочу. Потому что ничего не было за последнее время. Мне нечего вам рассказать. Слишком уж затянулась моя актерская пауза.

— Как вам кажется, в силу каких причин возникает такая ситуация?

— Значит, я не та артистка, которая нужна сегодня. В молодости особо перевоплощаться не приходилось. Использовали мои внешние данные. А может, и таланта как такового у меня нет или его не раскрыли. Оттого и осталась за бортом. А кто-то, как Людмила Гурченко, а она актриса разноплановая, до сих пор на экране, на виду, на пике успеха. Или Инна Чурикова. Вероятно, ее стабильная творческая жизнь связана с тем, что работает она в прекрасном театре. Многие ведь актеры погибли из-за того, что не было у них своей сцены. А раз нет сцены — нет и практики. Не всегда же актер снимается. Штат Театра киноактера считался прежде цехом “Мосфильма”. Когда возникали паузы в работе, за вынужденный простой нам платили зарплату. Теперь нет прежнего Театра киноактера, где каждый, кто хотел, мог хоть что-то делать на сцене.

В 40-60-е годы все-таки существовала разница между артистами кино и театра. Одних готовили во ВГИКе, других — в театральных вузах. Сегодня этой грани не существует. Но не каждый выпускник ВГИКа может работать на сцене, к сожалению. А вот человек, окончивший театральную школу, вполне годится для кино.

Праздность очень губительна, к ней быстро привыкаешь. Это уже болезнь, эпидемия праздности, которая сидит во всех нас. Конечно, проще всего выйти на сцену со своими домашними, двадцатилетней давности картинами перед публикой. Я вот читала почти любую из наших актрис, старых звезд — у всех у них одни и те же программы, которые они эксплуатируют по тридцать-сорок лет. Дело, видимо, в нашей инертности, безынициативности.

Начали мы репетировать с режиссером Ле-

онидом Герчиковым спектакль по пьесе Семена Злотникова “Команда”, так артистов не собрать. А идея хорошая — объединить на сцене наших старых звезд. Одна актерская команда развалилась, отказались люди работать. Потом приступили к репетициям Татьяна Конохова, Римма Маркова, Валентина Теличкина, Жанна Прохоренко, я, гимнастка Лариса Латынина, Михаил Кононов, Борис Хмельницкий, Александр Пашутин. Надо просто решить для себя: хочешь ты работать или нет. В хорошем театре есть дисциплина, и режиссер держит всех в своих руках, какими бы они звездами ни были. Распускать артистов нельзя.

— А может, жизнь интереснее актерского дела? Или в профессии этой заключается весь смысл существования?

— Мне нужна моя работа, жить-то на что-то надо. Я материально завишу от нее. Мне предлагали что-то рекламировать, а я не могу, не мое это дело, пробовала — не получается. Если бы у меня был обеспеченный муж, я ездила бы по миру, а не думала о куске хлеба. Конечно, тогда жизнь интереснее и, может быть, в гораздо большей степени, чем работа, даже актерская.

— Бывает, что актер “ушиблен” своим делом настолько, что не может существовать без него, какой бы благополучной ни была жизнь вне профессии.

— Благополучие в семье не означает благополучия в профессии. Если у актрисы работы нет, все равно что-то там будет глотать ее изнутри.

— Слышала, что вы преподаете в школе.

— В детской академии народного художественного творчества в Перово. Занимаюсь в театральной студии с группой детей от восьми до тринадцати лет.

— Случается ли, что после удачно сыгранной, яркой роли, режиссеры опасаются приглашать актера?

— Раньше бывало так: артист сыграл Ленина или Сталина — ему других ролей не дают. Не имел он права играть отрицательные роли. Худсовет смотрел пробы и мог постановить: нельзя такому-то играть рецидивиста, ведь он сыграл Ленина. Никто не думал о том, что это интересная и важная для актера работа. Не разрешали и все. Тот же Евгений Урбанский после фильма “Коммунист” наверняка хотел сыграть что-то другое. Но созданный им образ оказался столь сильным, что

любая иная роль представлялась для него мелковатой. Хотя сыграл же он потом Пронякина, простого шофера в картине “Большая руда” и создал очень сильный характер.

— Механизм отторжения актера каким-то образом связан с его возрастом? Может, артист сам во всем виноват, допустим, потерял форму?

— Как устроен этот механизм, совершенно неясно. Бывает так, что тебя буквально на части разрывают и в этой ситуации надо уметь от чего-то отказываться. Мне не повезло в свое время. Играла одинаковые роли положительных героинь, потом — мам, хотя еще молодая была. Актер должен чувствовать момент и решать для себя: надо ли ему сделать паузу или нет. А это выжидание порой пугает. Проходит год, два, три, уходит время, возраст уже не тот. Могут и забыть. Когда есть у актера театр, не нужно напоминать лишний раз о себе.

Возможно, актер и виноват в том, что теряет форму, не следит за собой. Пьют люди часто из-за неудач, от безысходности. Нет стимула у актера. Я была бы в форме, если бы мне сказали: “Лариса, через неделю или через месяц у тебя будет главная роль. Но мы ставим условие: ты должна выглядеть так-то”. И все. Я привела бы себя в нужную форму.

— Вот и получается, что многие просто не вписались в новую жизнь.

— А молодые актеры часто вписываются. Они знают четко, что сегодняшний день все решает. Сейчас очень жесткий режим съемок. Раньше картина снималась медленно, спокойно, месяцев семь, а то и год. По тридцать дублей делалось. Сейчас снимают за месяц. И это требует большого напряжения, душевного и физического. Не позволишь уже себе ночь прогулять, напиться и встать с утра с мешками у глаз.

— Лариса Анатольевна, посоветовали бы вы сегодня молодому человеку в актеры идти?

— Можно, конечно, сказать ему: не ходи. А он хочет и жизни другой для себя не видит. Сколько бы я ни расписывала ему в мрачных тонах нашу несчастную актерскую долю, он все равно пойдет. Всегда ведь человек надеется на то, что у него уж все будет по-другому. Неважно, что у кого-то там не получилось, у него непременно получится. Каждый из нас так устроен. Единственное, о чем я думаю: как хорошо, что мой сын не стал актером. Он киноинженер, работает на “Мосфильме”.

Мрачная картина получилась? Но должна вам сказать, что звезды старшего поколения нормально себя чувствуют и сегодня. Это Нонна Мордюкова, Клара Лучко, Инна Макарова, Людмила Хитяева, Зинаида Кириенко. Их, правда, по пальцам можно перечислить. Они нашли себя. Зинаида Кириенко поет и преуспела в этом. Нонна Мордюкова вообще очень популярна и может позволить себе выбирать, где ей сниматься, выступать или нет. Все как-то приспособились. Понятное дело, что “второму эшелону” всегда было хуже. Каждый ведь про себя думает, что он достоин всего того, что и те, кто в первом. Человеку трудно сказать самому себе, что загвоздка-то в нем самом, что нет у него того Божьего дара, который есть у другой, первой актрисы.